

**О трансформации одной украинской песни
на венгероязычных землях
в первой половине XIX в.**

Калавски Жофия
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт литературоведения, Центр исследований
филологических наук (ВАН)
1118 Ménesi út. 11-13, Budapest, Hungary
E-mail: kalavszky.zsofia@btk.mta.hu
ORCID: 0000-0003-1276-3243

Цитирование

Калавски Ж. О трансформации одной украинской песни на венгероязычных землях в первой половине XIX в. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 420–451 DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.06

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-512-23002.

Аннотация

В статье предпринимается попытка описания процесса попадания украинской песни «Їхав козак за Дунай» в начале XIX в. в Европу, через немецкое посредничество на чешские и венгерские земли. На немецкоязычных территориях один из переводов распространялся по сути как народная песня. Переведенная, а точнее, переложенная на немецкий Христофором Тидге, песня «Прекрасная Минка», которая сильно отличается от оригинала, достигла территории Чешской короны, а затем и Венгерского королевства, вероятнее всего, с войсками, принимавшими участие в Наполеоновских войнах. Именно на чешскоязычных и венгерскоязычных территориях появился другой вариант украинской песни, который ближе к оригиналу. На чешском языке этот вариант был опубликован Франтишеком Челаковским в 1822 г., а венгерским вариантом мы обязаны графу Ференцу Телеки. Телеки работал не с русско- или украиноязычными источниками, а с одним немецким текстом. Этим текстом-по-

средником оказался перевод «Russisches Lied» Теодора Кернера. Перевод графа Телеки представляет интерес с точки зрения истории и русской, и венгерской литератур, так как в нем обнаруживаются сходства с другим переводом украинской песни, «Der Kosak und das Mädchen» 1814 г., Вильгельма Кюхельбекера.

Ключевые слова

Компаративистика, перевод, Наполеоновские войны, «Їхав козак за Дунай», «Прекрасная Минка», песенники, инсurreкционная поэзия, Кристофор Тидге, Вацлав Ганка, Франтишек Челаковский, Ференц Телеки, Вильгельм Кюхельбекер.

Наполеоновские войны — одно из наиболее важных длительных и многоэтапных исторических событий европейской истории конца XVIII — начала XIX в. Они не только формировали политическую повестку Европы, но и, несомненно, содействовали появлению новых транскультурных явлений. В настоящей статье я концентрируюсь лишь на одном из них, связанном с пребыванием российской армии в Европе в 1813–1814 гг. Я имею в виду уже зарождавшийся *европейский интерес* к русской (украинской, казацкой) культуре и литературе, считавшейся то варварской, то экзотической, — *интерес*, который резко возрос в первой половине 1810-х гг. благодаря тому, что у европейского населения появилась непосредственная возможность встретиться с солдатами и офицерами царской армии. В рамках похода, известного как «заграничный поход русской армии 1813–1814 гг.», войска Александра I вслед за Прагой и другими важными европейскими городами прошли по улицам Берлина и Парижа. Из воспоминаний на немецком и чешском языках, публицистики и других документов 1810-х гг. известно, что российская армия на своем пути по Европе распространяла и русские, и украинские народные и квазифольклорные песни. Это осуществлялось либо в устной форме (в кругу рядовых солдат и офицества их пели просто «для души», а профессиональные военные хоры даже давали концерты там, где войска останавливались на постой), либо в письменной (через песенники, принадлежавшие русским офицерам и перешедшие во владение европейцев). Существует также немало письменных и визуальных свидетельств того, как вместе с проходящими российскими войсками русские и украинские песни попадали в немецко- и чешскоязычные земли. Интересно, что благодаря связям императора Александра I и прусского короля Фридриха

Вильгельма III в прусскую армию зачисляли русские военные хоры¹. Чешский поэт Ян Коллар (Jan Kollár, 1793–1852) вспоминал, например, что уже в 1812 г. русские и украинские песни стали известны на чешскоязычных территориях².

Хотя интересующая меня украинская песня была известна в Европе еще до кампании 1812 г., ее широкой популярности несомненно содействовало присутствие здесь российских войск, в том числе казаков, в 1813–1814 гг. и ликование населения по случаю побед шестой коалиции над наполеоновскими войсками.

В данной статье я попытаюсь проследить историю распространения песни «Їхав козак за Дунай» («Ехал казак за Дунай») в первой половине XIX в. В центре моего исследования стоит маршрут распространения и смены функции этого произведения на венгерскоязычных территориях, однако я также затрагиваю историю переводов и адаптаций песни в чешскоязычных регионах Габсбургской монархии. Венгерское королевство, как и земли Чешской короны, находились в составе Габсбургской монархии (с 1804 г. — Австрийской империи). В силу своего географического положения Венгрия была вовлечена в Наполеоновские войны в гораздо меньшей степени, чем чешские земли. На территории Венгерского королевства лишь во время пятой коалиции, в 1809 г., произошла битва с французами у города Дьёр. При этом российские войска в 1813–1814 гг. не входили на территорию Венгрии.

Важно отметить, что Наполеоновские войны объединили сопротивлявшиеся Наполеону европейские государства не только в политическом смысле. На мой взгляд, также хорошо прослеживается, как эти войны «объединили» венгерские и чешские земли в некую имажинарную, культурную территорию с точки зрения распространения украинской песни (эти процессы проходили весьма схоже, разве что в Венгрии с задержкой по фазе по сравнению с землями Чешской короны). При этом, однако, мы можем наблюдать очень интересные

1 В 1814 г. в лейпцигской газете «Allgemeine Musikalische Zeitung» были опубликованы статьи о русских солдатских песнях и хорах, см., например: -r, Über russische Soldatenlieder // Allgemeine musikalische Zeitung, 31 (1814. 08). S. 515–518. Подобный русский хор, причисленный к прусской армии, изображен на одной литографии 1815 г.: *Файбисович В.* Русские песенники в прусской гвардии // Родина (блог). URL: <https://rg.ru/2017/05/30/rodina-ermitag.html> (дата обращения: 15.08.2020).

2 *Нудьга Г.* Українська дума і пісня в світі. Львів, 1997. С. 198.

и специфические расхождения, имевшие место быть при чешском и венгерском освоении песни. Они становятся очевидными, если обратиться к истории перевода с украинского оригинала и авторского / литературного распространения именно этой вариации песни, а не немецкого квазифольклорного варианта, получившего огромную популярность на немецких, чешских и венгерских территориях.

В этих процессах огромную роль играли следующие общие и различавшиеся условия, в которых развивались чешская и венгерская литературы: немецкий язык как язык-посредник; в целом связи с немецкой культурой; связи с представителями русской литературы и деятелями Российской академии наук (у чешских филологов, писателей, поэтов, лингвистов это была живая и сильная связь); территориальная близость или отдаленность центров; замкнутость или открытость конкретной культуры; наиболее важное: фундаментально разнившиеся эстетические и идеологические намерения, которыми руководствовались авторы переводов и адаптаций. Я считаю, что как раз с этими разными целями и связано то, что именно в венгерской литературе произошло изменение функции песни.

Под изменением функции я подразумеваю то, как по-разному преобразуется, пересекая национальные, языковые и культурные границы, лирическая песня, изначально звучавшая в темпе *Andante*. Так, в одном из венгерских вариантов песни «Їхав козак за Дунай» текст становится жанрово гибридным: сохраняя лирическую основу, он обретает признаки *военного марша*; то есть, адаптируясь как минимум к двум каналам распространения — к авторскому (литературному) и (квази)фольклорному, текст отдаляется от своего первичного жанра *прощальной песни*. Непосредственный исторический фон, на котором претерпевает изменения изначальная функция песни, создавали бушевавшие по всей Европе Наполеоновские войны, а культурный и литературный фон — связанные с походами Наполеона народные или стилизованные эпические и лирические тексты на общественно-историческую тематику. На территории Венгрии это была так наз. инсургентная / инсуррекционная (повстанческая) поэзия.

Под влиянием шедших еще с конца XVIII в. Наполеоновских войн на территориях, где говорили на венгерском языке, родилось множество фольклорных и авторских стихотворных текстов. Доподлинно известно, что дворянские ополчения 1797, 1800, 1805 и 1809 гг. на землях Венгерского королевства нередко становились источником поэтического вдохновения. На призыв монарха к дворянству встать на защиту границ стихотворцы дворянского происхождения отклика-

лись маршами и духоподъемными песнями. В память об этих четырех ополчениях (лат. *generalis insurrectio*) в венгерской научной литературе они объединены под общим названием *инсургентной поэзии*. Такие «частушки», рифмованные воззвания, авторы обычно сочиняли на мотив известных народных песен или, по крайней мере, в духе последних. Эти произведения являют собой особую группу текстов, как и тексты, воспевающие собственно регулярную армию. Напечатанные в виде прокламаций, они были в ходу на больших территориях: передавались из уст в уста, переписывались. Исследования показали, что в корпус инсургентной поэзии попало и множество более ранних текстов, которые, всплывая в войсковых лагерях, при актуализации нередко меняли функцию³.

Чешскими литераторами руководила совсем иная цель: в этот период у них уже были в разгаре поиски исконного народного *славянского* творчества. Поэтому та же самая украинская песня, которая в Венгрии «смешалась» с инсургентной поэзией, стала у них объектом исследования оригинального славянского фольклора.

«Їхав козак за Дунай»

Песня, начинающаяся со слов «Їхав козак за Дунай» («Ехал казак за Дунай»), считалась в XIX в. самой популярной украинской песней на всем украинско- и русскоязычном пространстве. И, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что уже с начала 1800-х гг., благодаря Наполеоновским войнам, она была на слуху у всей Европы, по крайней мере всей Восточной Европы. На сегодняшний день существует три гипотезы происхождения песни. По одной, автором песни был современник Петра Великого, казак-сочинитель по имени Семен Климовский (Климов). Согласно второй, песня действительно возникла в первой половине XVIII в., при этом авторство Климовского не опровергается, но ставится под сомнение⁴. Согласно третьей, она возникла во второй половине

3 *Porkoláb T.* Szempontok a francia háborúk insurrekciós költészetének textológiai és filológiai vizsgálatához // *Textológia — filológia — értelmezés* / eds. Czifra M., Szilágyi M. Debrecen, 2014. 191–214. old.

4 «Свидетельств тому, что в первой половине XVIII в. на Украине пели песню “Їхав козак за Дунай”, у нас нет. Не встречается она и в рукописных сборниках тех лет. Зато под конец XVIII столетия эта песня была очень популярной на Украине и за ее пределами. Принимая в расчет, что при тогдашних условиях песня быстро не могла стать столь популярной, можно предположить, что она возникла где-то в первой половине

XVIII в., автор неизвестен, позднее песня перешла в фольклор. Семисложный силлабо-тонический размер, безукоризненная строфа склоняет исследователей к выводу, что это блестяще скомпонованное произведение принадлежит перу человека, хорошо знакомого с украинским фольклором и владеющего техникой стихосложения⁵. Широко известной на украинских и русских землях она была уже задолго до Наполеоновских войн, однако с 1812 г. стала встречаться в песенниках заметно чаще⁶. Один из самых известных ранних русских печатных песенников, собрание Львова — Прача, попавший даже в Западную Европу, за пятнадцать лет издавался трижды. В издании 1806 г. к текстам песен прилагались и ноты; здесь наша песня фигурирует под № 147:

Ехав козак за Дунай,
Сказав: дивчина прощай.
Вы коники вороненьки,
На силу: гуляй.

Постой, постой, козаче,
Твоя дивчина плаче,
Як ты мене покидаєшь,
Тільки подумай.

Билых ручек не ломай,
Серых очек не зтирай,
Мене з войны со славою
К соби дожидай.

Не хочу я ничего,
Только тебе одного,
Ты будь здоров мий миленький,
А все пропадай⁷.

XVIII века» (*Нудьга Г.*, Про Семена Климовського і його пісню // Радянське літературознавство. 1960. № 4. С. 58; перевод с украинского мой. — *Ж. К.*).

5 *Прийма Ф.* Об одном немецком переводе украинской народной песни «Їхав козак за Дунай» // Русская литература. 1960. № 3. С. 172.

6 Впервые песня была опубликована в журнале «*Journal d'airs italiens, français et russes avec accompagnement de guitare par J. B. Hainglaise*» (St. Pétersbourg, 1796. № 3). Затем И. Герстенберг и Ф. Дитмар включили ее в «Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и прочих песен для фортепиано, собранных издателями» (СПб., 1797–1798. Ч. 1–3). О дальнейших публикациях нам известно из работ Михаила Сперанского. Сперанский выяснил, как и когда именно в конце XVIII — начале XIX вв. украинские песни включали в русские песенные собрания. Исследователь перечисляет пятнадцать печатных русских песенников, в которых фигурирует «Їхав козак за Дунай». Из дат их публикации явствует, что всплеск популярности песни был напрямую связан с Наполеоновскими войнами: так, и в 1812 г., и в отдельные годы в течение 1816–1822 гг. ее напечатали сразу в нескольких сборниках (*Сперанский М. Н.* Малорусская песня в старинных русских печатных песенниках // Этнографическое обозрение. 1909. № 2–3. С. 143).

7 Цит. по: Собрание русских народных песен с их голосами / на муз. положил И. Прач; под ред. и с вступ. статьей В. М. Беляева. М., 1955. С. 309–310.

Популярности песне добавили — при этом успешно ею воспользовавшись — драматург Александр Шаховской и композитор Катерино Кавос. 15 мая 1812 г. в петербургском Императорском театре состоялась премьера их одноактной оперы-водевиля с анекдотическими элементами «Казак-стихотворец». Постановка шла с таким успехом, что с 28 мая 1814 г. ее давали уже дважды в месяц. Позднее водевиль ставили и на украинских землях, в частности в театрах Харькова и Полтавы⁸. Добрался он и до студентов Царскосельского лицея: граф Варфоломей Толстой поставил его в своем крепостном театре в Царском Селе. А в 1815 г. либретто вышло отдельным изданием⁹.

Известно, что после контрнаступления 1812 г. — с победой над французами у села Тарутино — и донские, и украинские казаки еще более оказались в центре внимания как в России, так и за рубежом¹⁰. На русских землях образ героя-казака был поднят мощной национально-патриархальной волной, став ее символом; «храбрый донской казак» стилизовался в литературный персонаж. В Западной Европе также возрос интерес к царским войскам, и к казакам в частности.

В августе 1813 г. Александр I вошел в Прагу, где его приветствовал австрийский император Франц I. Зимой 1813/1814 гг. русские офицеры квартировали в городе, участвовали в общественной жизни, развлекались, ходили в театр¹¹. В 1814 г. Александр I победоносно вошел в Париж, подобно тому как до этого — в Берлин¹².

8 Гозенпуд А. А. Казак-стихотворец // Оперный словарь. М.: Л., 1965.

9 В начале XIX в. публикация театральной инсценировки считалась большой редкостью.

10 Эрхард Хексельшнайдер на основании прусских публикаций интересующего периода приходит к выводу: «Zum Symbol der russ. Truppen wurden die Kosaken. Man kann für diese Zeit von einer wahren Kosakenbegeisterung sprechen, die breiteste Volksschichten erfasste» («Казаки стали символом российского войска. Можно говорить о том, что население восхищалось казаками и это настроение охватило самые широкие слои народа»). См.: *Hexelschneider E. Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland // Zeitschrift für Slawistik. 1963. № 8. S. 677.*

11 Францев В. А. Русские в Чехии. 1813–1823. Прага, 1913. С. 17.

12 Об этом сохранился иллюстрированный отчет: в 1814 г. Георг Опиц (Georg Emanuel Opiz, 1775–1841), немецкий художник, родившийся в Праге, находился в Париже, когда туда вошли русские войска. Свои тогдашние впечатления он отобразил в цикле из сорока жанровых акварелей «Казаки в Париже». См.: Русские казаки в Париже двести лет назад //

На немецкоязычной территории Австрийской империи и в прусских землях тема освободительного казацкого воинства привлекала не одну лишь прессу; помимо журналистов и карикатуристов живой спрос публики на экзотику подхватили и кустари с лавочниками: в ходу были литографии, фарфоровые, деревянные и бумажные поделки, изображавшие казаков. По свидетельству исследовательницы Л. Кириллиной, неизменным атрибутом австрийской салонной культуры тех лет стали живопись и скульптура на тему казачества. Известно также, что письменный стол Бетховена долгие годы украшали две статуэтки в виде казаков¹³.

«Прекрасная Минка, я должен тебя покинуть» Христофора-Августа Тидге

Своей известностью в Западной Европе песня обязана поэту Х.-А. Тидге (Christophor-August Tiedge, 1752–1841), который в 1808 г. перевел ее на немецкий язык. Она начинается со слов «Schöne Minka, ich muss scheiden»:

Schöne Minka, ich muß scheiden, ach du fühlst nicht das Leiden,
fern auf freudelosen Heiden, fern zu sein von dir!
Finster wird der Tag mir scheinen, einsam werd ich gehn und weinen;
auf den Bergen, in den Hainen ruf ich, Minka, dir

Nie werd ich von dir mich wenden; mit den Lippen, mit den Händen
werd ich Grüße zu dir senden von entfernten Höhn.
Mancher Mond wird noch vergehen, ehe wir uns wiedersehen;
ach, vernimm mein letztes Flehen: bleib mir treu und schön!

Du, mein Olis, mich verlassen? Meine Wange wird erblassen;
alle Freuden werd ich hassen, die sich freundlich nahn.
Ach, den Nächten und den Tagen werd ich meinen Kummer klagen;
alle Lüfte werd ich fragen, ob sie Olis sahn!

LiveJournal (блог). 31 марта 2014. URL: <https://vita-colorata.livejournal.com/652951.html> (дата обращения: 15.08.2020).

13 Кириллина Л. «Schöne Minka» и ее сестры // Бортнянский и его время. К 250-летию со дня рождения Д. С. Бортнянского: Материалы международной конференции / Научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М., 2003. Т. 43. С. 199.

Tief verstummen meine Lieder, meine Augen schlag ich nieder;
 aber seh ich dich einst wieder, dann wird's anders sein.
 Ob auch all die frischen Farben deiner Jugendblüte starben:
 ja, mit Wunden und mit Narben bist du, Süßer mein!

В случае Тидге корректнее говорить о переложении, так как немецкий поэт весьма вольно отнесся к размеру, структуре, да и к лексике оригинального текста. Эрхард Хексельшнайдер пришел к выводу, что необычайная популярность «Прекрасной Минки» Тидге, помимо живого интереса к русскому и украинскому казачеству, объясняется еще и тем, что по многим характерным деталям она напоминала немецкую *городскую песню*. Когда русская армия входила в Берлин, по словам исследователя, «Schöne Minka» «разносилась из каждого окна»¹⁴. Свидетельством популярности перевода Тидге стали и многочисленные подражания: песни эти известны под собирательным названием «Minkalieder»¹⁵. Немецкая публика настолько сроднилась с «Прекрасной Минкой», что та в конце концов «утратила родословную» и попала в сборник немецких народных песен¹⁶. Она была одной из самых любимых солдатских песен¹⁷ и,

14 *Hexelschneider E.* Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß... S. 676–688.

15 *Исаков С. Г.* Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века // Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение / ред. Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, В. Т. Адамс. Ученые записки Тартуского университета 184. Tartu, 1966. С. 199.

16 Двенадцать вариаций включены в книгу «Musikalischer Hausschatz der Deutschen. Eine Sammlung von über 1100 Liedern und Gesängen mit Singweisen und Klavierbegleitung. Gesammelt und herausgeben von G. W. Fink», изданную в Лейпциге. Об этом см.: *Нудьга Г.* Про Семена Климовського і його пісню. С. 62, 64.

17 «Das von Tiedge nationalisierte Kleinrussische Volkslied war in den deutschen Freiheitkriegen ein Lieblingslied; nach dem Drucke im *Liederbuch hanseatischen Legion* gewidmet <...> fand es damals weiteste Verbreitung und wurde bis 1850 in Deutschland viel gesungen und seine Musik gern gespielt». *Böhme F. M.* Volksthümliche Lieder der Deutschen im 18. und 19. Jahrhundert. Nach Wort und Weise aus alten Drucken und Handschriften, sowie aus Volksmund zusammengebracht, mit kritisch-historischen Anmerkungen versehen und herausgegeben von Franz Magnus Böhme. Leipzig, 1895. S. 549. No. 721. Der Kosak und sein Mädchen. (Olis und Minka).

по свидетельству современников, «в одночасье стала в немецкой армии массовой»¹⁸.

О том, как с собственно украинской песней познакомился Тидге, нам известно из нескольких трудов. Автор одного из них, Сергей Исаков, изучавший опубликованные в Прибалтике в начале XIX в. документы на немецком языке, утверждает, что Тидге услышал ее в Баден-Бадене от своего русского слуги. При этом венгерский исследователь Реже Галош, украинский фольклорист Григорий Нудьга и немецкий литературовед Эрхард Хексельшнайдер заявляют, что ее пели слуги отдохавших в Баден-Бадене русских аристократов¹⁹. Одним из источников для исследователей могла послужить антология «Slawische Balalaika», где в главе «Lieder aus Kleinrussland und der Ukraine» («Песни из Малороссии и Украины») фигурирует песня под названием «Lebewohl» («Прощание»), начинающаяся словами «Donau über gilt es reiten. Fahr' wohl Heimat!» («Пора скакать за Дунай, / Езжай же, Родина!»), текст которой редактор снабдил длинным комментарием о происхождении «Schöne Minka»:

Тидге, поэт «Урании», вместе со своим другом, историком Сисмонди, услышал, как поет слуга одного русского аристократа означенную песню, каковая песня так тронула обоих мужей, что каждый попытался передать ее на своем языке, хотя и не знал содержания. Сисмонди не сумел создать пригодного для пения текста, и его вариант остался неизвестным; Тидге же удалось приновить свой текст к мелодии, и содержание его тоже стало популярным. В чем читатель может убедиться и сам, ознакомившись с собранием стихотворений Тидге (перевод с немецкого мой. — Ж. К)²⁰.

Тидге переводил по подстрочнику, к тому же очень основательно переиначив текст в угоду бюргерским вкусам публики. И, наконец, в 1808 г. он опубликовал свою «Schöne Minka» в рижской газете «Iris, ein Wochenblatt für Damen» («Ирис, еженедельная газета для женщин») под заголовком «Der Kosak und sein Mädchen (Nach der bekannten rus-

18 Нудьга Г. Про Семена Климовського і його пісню. С. 66.

19 Gálos R. Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai // Irodalomtörténeti Közlemények 1937. № 4. 408. old; Нудьга Г. Про Семена Климовського і його пісню. С. 60; Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре...; Hexelschneider E. Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß...

20 Waldbrühl W. von. Slawische Balalaika. Leipzig, 1843.

sischen National-Melodie: Ехал козак за Дунай») («По мотивам известной русской народной мелодии: Ехал козак за Дунай») (24.X.1808. 43. S. 146–147). Согласно С. Исакову, в прибалтийскую газету перевод Тидге попал благодаря его возлюбленной. Елизавета Шарлотта фон дер Рекке (Elisa Charlotte von der Recke, 1754–1833) и сама была известной поэтессой, а с Прибалтикой ее связывали курляндские поместья и живые литературные связи²¹. С 1803 г. Рекке и Тидге жили вместе. Пара была знакома с Бетховеном.

Год спустя текст Тидге был опубликован как минимум дважды: в альманахе «*Taschenbuch zum geselligen Vergnügen*» («Карманная книжка для дружеского времяпрепровождения») (Leipzig, 1809) под редакцией Вильгельма Готтлиба Беккера и вместе с нотами в песеннике под названием «*Schauenburgs allgemeines Deutsches Kommersbuch*» («Общий немецкий сборник песен, изданный Шауэнбургом») (Leipzig, 1809)²². В 1813 г. песня «*Der Kosak und sein Mädchen. Nach einer Russischen National Melodie*» («Казак и его девушка. По мотивам русской народной мелодии») вошла в еще один сборник, сборник солдатских песен: «*Liederbuch der Hanseatischen Legion gewidmet*» («Песенник, посвященный Ганзейскому легиону») (Hamburg, 1813. № 104. S. 117).

«Прощание казака» Вацлава Ганки и «За Дунай едет...» Франтишека Челаковского

1813 год является первым годом известности песни в ее печатной чешскоязычной истории. В Вене, в газете «*Prwotiny pěkných umění*» («Первые опыты в изящных искусствах»), литературном приложении к газете «*Cýsařské královské wjdeňské nowiny*» («Императорская королевская венская газета»), была опубликована песня с начальной строкой «*Krásná Minka musím jíti...*» («Прекрасная Минка, я должен уезжать») и подписью — *Hanka*²⁴. Данная публикация является чешским переводом не оригинального текста украинской

21 Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре... С. 200.

22 Об известности ее в Венгрии см.: *Waldapfel J. A Ziska második részéhez // Irodalomtörténeti Közlemények. 1935. № 3. 308. old.*

23 *Кириллина Л. «Schöne Minka»: Судьба украинской песни в творчестве Бетховена // Проблемы взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти: зб. наук. ст. Бетховен — terra incognita / під ред. Г. І. Ганзбург. Харків, 2015. С. 10.*

24 *Hanka V. Kozákovo loučení // Prwotiny pěkných umění (Cýsařské královské wjdeňské nowiny). 1813. № 23. S. 136.*

песни, а немецкой адаптации Тидге. Вацлав Ганка (Václav Hanka, 1791–1861), чешский литератор, лингвист и переводчик, не указал, что это перевод, а опубликовал песню как собственную оригинальную работу²⁵. Ганка озаглавил стихотворение «Kozákovo loučení» («Прощание казака»).

Krásná Minko musím jíti,
 ach mé srdce bolest cítí,
 daleko od tebe býti
 Minko rozmilá!
 Smutný den až odtud půjdu,
 smutně pro tě plakat budu,
 v hájích, roklicích volat budu:
 kde jsi Minko má!
 Nikdy se ti neodvrátí
 srdce vždycky plápolati,
 pozdravení posílati
 z boje Minko má.
 Kolik měsícův as mine,
 než tě hoch tvůj k srdci vine,
 ach slyš, jak teď hořem hyne,
 zůstaň upřímá.

Mám svou Minku opustiti,
 a své líce bledé míti,
 radost všecku zapuditi,
 Minko upřímá!
 Ve dne v noci budu státi
 a jim žel svůj žalovati,
 lidí všech se budu ptáti,
 kdo mou Minku zná?
 Hlubě umlknou mé písně,
 oči mé se zamknou svísně,
 vrátími se však z té tísně,
 Minko v slibu stůj.
 Přijdu s jízvami v tváři,
 nechť i kvetoucí pleť září
 mladosti tvé trudnost maří,
 budu věčně tvůj!

Этот текст, точнее исправленные его вариации, Ганка затем опубликовал в 1815 и в 1819 гг. На популярность песни на чешскоязычных территориях указывает то, что в 1851 г. песня вместе с нотами уже вошла в печатный сборник «Společenský zpěvník český» («Чешский песенник для широкой публики»). Здесь она фигурирует под названием «Kozak» («Казак») (№ 66). Позднее этот сборник многократно переиздавался.

Достоверно известно, что на редкость популярный песенник Львова — Прача (в котором фигурирует «Ехал козак...» с нотами) добрался и до Вены, и до Праги. Так, многие исследователи склонны полагать, что граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836), посол России в Вене, богач и меломан, музыкант камерного оркестра, собиратель книг и меценат, мог подарить один экземпляр самому

25 О связи текста Ганки и перевода Тидге см.: *Hanka V. Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převedená / ed. J. Máchal. Praha, 1918. S. 202–204.*

Бетховену²⁶. В Праге песенник Львова — Прача привлек восторженное внимание Вацлава Ганки. В 1814 г. в газете «Prwotiny pěkných umění» (№ 16 от 22 августа) вышла его статья, в которой Ганка ставит сборник в пример для будущих редакторов — собирателей славянского фольклора²⁷.

Не только песенник Львова — Прача, но и другие русские песенники попали в Вену и Прагу. Так, достоверно известно, что у Вацлава Ганки их было даже несколько²⁸. Долгие годы исследователи считали наличие русских песенников доказательством того, что источник следующего, появившегося в печати в 1822 г., чешского перевода песни находится именно в этих изданиях. Чешский поэт Франтишек Ладислав Челаковский (František Ladislav Čelakovský, 1799–1852) долгие годы исследовал народные песни чехов и других славянских народов²⁹. Результаты своих штудий он издал в 1822 г. в сборнике «Slovan-ské národní písně» («Славянские народные песни»), в котором кроме прочего были опубликованы также переводы русских и украинских песен³⁰. В первом томе в стихотворном цикле под названием «Maloruské dumky» («Малорусские песни») начальными словами «*Za Dunaj stupat poroučí...*» («За Дунай наступать приказывает царь...») под № 2 фигурирует перевод нашей песни³¹.

26 Бетховен не единственный, кто — даже дважды — создал музыкальную обработку этой песни. О связях Разумовского и Бетховена см.: *Кириллина Л.* «Schöne Minka»: Судьба украинской песни в творчестве Бетховена; *Clive P.* Beethoven and His World: A Biographical Dictionary. Oxford, 2001.

27 *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения... С. 67; *Hanka V.* Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převezená. S. XIX–XX.

28 «Собрание разных песен» (без заглавного листа), «Новейший и полный российский общенародный песенник, изданный Ж. Г. Т. А. К.» (М., 1810), «Новый, избранный песенник» (СПб., 1819), «Молодчик с молодкою на гулянье с песельниками» (СПб., 1790), «Новейший, полный, всеобщий песенник» (М., 1822). Об этом см.: *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения... С. 101.

29 *Berkes T.* The Ideal of Folk Culture in the Literature of the Czech National Rebirth // History of the Literary Cultures of East-Central Europe III. New York; Amsterdam, 2007. P. 302–303.

30 Первый том Челаковского при содействии Ганки доходит и до Петербурга. В 1824 г. в газете «Северный архив» была опубликована рецензия на него известного этнографа Николая Цертелева.

31 Второй том вышел в 1825, а третий — в 1827 г.

Za Dunaj stupat poroučí
car, s milou kozák se loučí:
“Ty koníku, můj vraníku,
nes mne poskokem!”

Dívčina ruce lomila,
těčte plačíc promluvila:
“Ach, jak ty mne zde pouštíš,
v dálný táhneš kraj!”

Na koně kozák vyskočil,
ještě se k milé otočil:
“Zdráva buď! k tobě se vrátím
ještě před rokem.”

“Ej, rukou nelom bělounkých,
nepokal oči černounkých,
zdráva buď! já šťastně jedu
s druhý za Dunaj.”³²

В издании 1822 г. Челаковский разместил рядом и источник, и перевод. Однако поскольку они не совпадают с вариацией в сборнике Львова — Прача, остается вопрос, с какими источниками он работал.

На этот счет существуют разные гипотезы. Украинские и чешские исследователи пришли к заключению, что Челаковский опирался не на какой-то немецкий перевод-посредник, как и не на песенники, принадлежавшие Ганке, а что у него был другой источник или источники. Владимир Францев в статье 1923 г. о рукописном наследии крупного чешского филолога, основоположника славистики Йосефа Добровского (Josef Dobrovský, 1753–1829) указывает на то, что Челаковский мог пользоваться множеством рукописных текстов украинских песен из бумаг ученого³³. Г. Нудьга считает, что в 1815 г. польский лингвист Ежи Самуэль Бандтке (Jerzy Samuel Bandtkie / Bandtke, 1768–1835) переслал Добровскому набор украинских песен, полученный им от галицийского поляка Николая Гошовского (Mikołaj Moroz Hozzowskij, 1778–1828), собиравшего фольклор в Галиции³⁴. О том же еще более детально писал в 1930 г. и украинский исследователь Константин Чехович: он упоминал и то, что Гошовский, который публиковался под псевдонимом, записывал украинские тексты с помощью польского алфавита³⁵. В 1810-е гг. До-

32 *Čelakovský Fr. L. Slovanské národní písně. Kritické vydání / ed. K. Dvořák. Praha, 1946. S. 118–119. Первая публикация: Čelakovský Fr. L. Slowanské národní písně sebrané Frant. Ladisl. Čelakowským. W Praze, 1822. S. 156–157.*

33 *Francev V. A. Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského // Národopisný Věstník Československý. 1923. № XVI. S. 33–64.*

34 *Нудьга Г. Українська дума і пісня в світі. С. 200.*

35 *Чехович К. Йосиф Добровський і українська мова // Slavica — časopis pro slovanskou filologii. 1930–1931. № 9. S. 702.*

бровский не занимался этими рукописями. Позже, в 1820-е гг., 9 из 65 песен опубликовал Челаковский, а остальные нашли в 1923 г.³⁶ Францев в статье 1923 г. считал доказанным, что Челаковский работал не по песенникам, а выполнил перевод песни «Ехал козак...» по рукописи, найденной у Добровского, среди текстов, собранных в Галиции (№ 61)³⁷.

Источник опубликованный Челаковским в 1822 г. в сборнике «Slovakské národní písně»:

2.

Jichav kozak za Dunaj,
moviv: dívčino sproščaj,
ty koniku, voroniku,
nesi pohulaj.
Svišnuv kozak na konia,
budi zdrorova moloda,
vernu ja sja, kogda budet
jaka prihoda.

Vyišla ručki zalomavši,
a tiažemke zaplakavši
kak ty mene pokidaješ,
toliko podumaj!
Bělych ručok nelomaj
černych očok ne vteraj,
budi zdrorova, bo ja jidu
uže za Dunaj.

Рукописный источник из наследия Добровского, опубликованный Францевым в 1923 г.:

61.

1.

Jichaw kozak za Dunaj,
mowyw d'iwczyno spraszczaj
Ty konyku woronyku,
nesy pohulaj.
Swysnuw kozak na końja,
bud' zdrorowa mołoda,
Wernu ja šja, kohda budet
jaka pryhoda.

2.

Wyjszła ruczky załomawszy
i t'jaženko zaplakawszy,
Kak ty mene pokydajesz,
tolko podumaj,
Biłych ruczok nełomaj,
czornych oczok ne wteraj,
Bud' zdrorowa, bo ja jidu
uže na Dunaj.

Вильгельм Кюхельбекер: «Der Kosak und das Mädchen»

Конечно же, Наполеоновские войны и роль России в них чрезвычайно волновали и царскосельских лицеистов. В 1814 г. один из лучших друзей Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, набросал на листке бумаги стихотворение в четыре строфы, без названия, на немецком

36 См.: *Гудьга Г.* Українська дума і пісня в світі. С. 194.

37 *Francev V. A.* Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského.

языке³⁸. «Der Kosak und das Mädchen», как позднее был назван этот текст в специальной литературе, без каких бы то ни было примечаний, нашли в лицейских бумагах Кюхельбекера. Лишь позднее он был идентифицирован как перевод украинской песни, начинающейся со слов «Їхав козак за Дунай». Известно, что Кюхельбекер намеревался опубликовать его вместе с другими своими переводами в книге под рабочим названием «О древней российской словесности»³⁹. О том, что такая всеохватывающая вещь готовится, в Лицее знали многие. Антон Дельвиг рассказывает об этом в одной своей статье, а Алексей Илличевский в частном письме⁴⁰.

Мог ли знать Кюхельбекер об адаптации Тидге? Я уже упоминала, что впервые перевод Тидге был опубликован в прибалтийской газете. Балтийское направление важно нам в одном аспекте: именно здесь и обнаруживается недостающее звено, позволяющее с куда большей вероятностью предположить, что и Кюхельбекеру мог быть известен текст Тидге⁴¹. Ведь Кюхельбекер, хотя и родился в Петер-

38 К. Грот, публикуя бумаги I-го курса Царскосельского лицея, собранные его отцом, бывшим лицеистом, отметил следующее: «Еще сохранились два листка с двумя немецкими пьесами-песнями, писанными Кюхельбекером (автографы)...». Ниже Грот привел и сами тексты. См.: *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1998. С. 244, 246–247 (курсив в оригинале. — Ж. К.).

39 В одно и то же время Кюхельбекер переводит казацкую песню, Пушкин пишет стихотворение «Козак», а чуть позже Антон Дельвиг — балладу «Поляк». О тесной взаимосвязи этих трех текстов и последующей фольклоризации пушкинского текста см.: *Kalavszky Zs.* Puskin liceumi lírájának közköltészeti vonatkozásai egy ukrán dal tükrében // *Doromb. Közköltészeti tanulmányok 7* / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2019. 389–424. old.

40 *Прийма Ф.* Об одном немецком переводе... С. 171.

41 Прибалтийский регион, включавший в начале XIX в. сегодняшние Эстонию и Литву, возможно, сыграл роль не только в публикации немецкого перевода песни, но и в появлении на свет ее английского перевода. В 1803 г. в должность преподавателя английского и итальянского языков только что открывшегося Дерптского университета вступил оксфордский пастор и почетный профессор университета в Галле, бывший учитель английского языка прусской императрицы, к тому времени успевший уже перевести на английский немало немецких стихов, Бенъямин Бересфорд (Benjamin Beresford, 1750–1819). В Дерпте (сегодня Тарту) он задержался ненадолго, до 1806 г., и вскоре уже преподавал в Харьковском университете, а затем в Москве, где вдобавок исполнял так-

бурге в 1797 г., детские годы провел у Рижского залива, где граничат сегодняшние Латвия и Эстония⁴². Он жил тут до 1811 г., до самого поступления в Царскосельский лицей, и до шестилетнего возраста говорил только по-немецки, так что он вполне мог быть знаком со стихотворением. Перевод Кюхельбекера куда ближе к оригиналу; что же касается немецкого переводчика, то он привнес в свой текст немало значительных изменений.

Перевод Кюхельбекера:

D. K.	Auf und fort der Donau zu! Lebe wohl, feins Liebchen du! Tummlе, tummlе dich mein Rappe, Strecke dich mein Ross!
D. M.	Wart, Kosak, o warte noch! Denkeinmal, bedenk dich noch: Du verlässt dein trautes Liebchen! S'Liebchen weint so sehr.
D. K.	Wein doch Mädchen nicht so sehr, Ring die Händ umsonst nicht mehr! Harre mein: ich kehre wieder, Bring viel Ruhm und Ehr.
D. M.	Nichts ist Her und Ruhm für mich, Ach, ich wünsch und will nur dich! Sei nur du gesund, mein Trauter, Und nichts kümmer mich! ⁴³

же пасторские обязанности. Бересфорд покинул Россию, когда прусский император Вильгельм III, основав в 1810 г. Берлинский университет, попросил его вернуться, чтобы занять место преподавателя в нем (*Anvelt I. Benjamin Beresford — The First English Lecturer at the University of Tartu // Estonian Association of Teachers of English. 2018. № 53. P. 9–13*). В 1816 г., уже в Лондоне, неутомимый литератор и переводчик издал за свой счет сборник «The Russian troubadour, or a collection of Ukrainian and other national melodies together with the words of each respective air translated into English verse by the author of the German Erato, interspersed with several favourite Russian songs», в котором под № 4 фигурирует снабженная нотами украинская песня «Cossack and his Love».

⁴² В детстве Кюхельбекер жил в Лифляндии, в имении Авенорм (Авинурме), а с 1808 г. — в эстляндском городе Верро (Выру).

⁴³ Цит. по: *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. С. 246–247.

Перед каждой строфой Кюхельбекер указал, чья это реплика (D. K., т. е. казака, или D. M., т. е. девушки), далее поменял местами первую и вторую строки в первой и третьей строфах; во втором случае поменялись местами мотив *ломанья рук* и мотив *глаз* (слез). Более радикальное изменение Кюхельбекера заключается в том, что он перенес действие в *настоящее время*, заводя песню чуть ли не с боевого клича казака, в отличие от украинского текста, которому глагол «іхав» *прошедшего времени* сообщает эпический настрой. Как отмечает один из первых исследователей темы, патриотически настроенный Кюхельбекер по сути стилизовал украинское стихотворение *в военный, конный марш*⁴⁴. Для нас это изменение существенно, ведь в водевиле Шаховского Маруся запеваёт печально, медленно; и в песеннике у Львова — Прача тоже указано «Andante». Именно регистр Кюхельбекера, приближающий песню к военному маршу, привлек мое внимание к одной венгерской интерпретации этой украинской песни.

Венгерское распространение: квазифольклорные и литературные варианты

Известно, что в венгерский языковой ареал песня попала отнюдь не только благодаря журнальным публикациям немецкого перевода. Р. Галош пришел к выводу, что хождению песни на венгерских землях столь же, если не более, способствовала устная «распространительная» деятельность солдат-рекрутов, как явствует из найденных в Дьёре (Győr) венгерских переводов текста Тидге (см. русский перевод в Приложении I):

A' Kozák és Jegyese

A' Kozák.

Jegyese.

Ah, szép Minka! kell távoznom,

Hah! nem érzed te nagy kínom !

Messze bús földre utaznom

Messze te töled!

Homályban fog napom kelni

Könnyim éj' 's nappal ömleni,

Szám hegyekkel versent zengni

Minka felőled.

Ha Oliszom eltávozik,

Arczom színében változik,

Szívemtől öröm búcsúzik

'S bennem helyt nem lel.

Napnak, éjnek panaszlani

Fogom gyötrelmem nyújtani,

Minden szellőt szólíltani:

Olisz hol lehel?

44 *Прийма Ф.* Об одном немецком переводе... С. 173.

Soha téged nem feledlek	Némulni fognak énekim,
Karom ajkim feléd esdnek,	Mélyen csüggeni szemeim;
Téged tólem idvezülnek,	De ha ölelnek kezeim
‘S fáj bele a’ szív!	Minden máskép lesz.
Több hold fog változni, érzem,	Huljon-le orczád’ rózsája,
Még láthatlak, egy kérésem —	Vesszen korodnak virágja;
Végre, tedd-meg ezt Édesem	A’ vitézül nyert seb’ árja
Légy ah hozzám hív.	Téged szebbé tesz ⁴⁵ .

То есть текст разошелся одновременно по двум каналам: немецкий журнал доносил его до образованной публики, а в народе, передаваясь из уст в уста, ходили разные другие варианты: где-то «Szép Minka» («Красивая Минка»), где-то «Gyöngyöm Minkám» («Минка, жемчуг мой»), а где-то «Édes Minkám» («Минка милая моя»).

Кроме текстов, найденных Р. Галош, существовало множество других венгерских переложений Тидге. Несколько ее рукописных вариантов с указанием мест обнаружения с 1820-х гг. собрал Дюла Пергер. Вариации песни можно найти в «Balla Pál énekeskönyv» («Песенник Пала Баллы», 1827), в двух анонимных собраниях «Dalok» («Песни», 1823) и «Oblectamena animi» (1827), а также в изданном в первой половине XIX в. «Sárosi Mihály-melodiárium» («Мелодирии Михая Шароши»). Попала она и в «Énekek gyűjteménye» («Собрание песен»), опубликованное Ференцем Енеи (Ferenc Jenei). Печатали песню и в дешевых изданиях. Так, в вышедшей в 1823 г. брошюре «Két Dallok» («Две Песни») эта песня — первая («Минка, жемчуг мой, я должен [тебя] покинуть»). И по сути без изменений она перепечатана в брошюре Шандора Цеха «Világi Dallok» («Светские Песни»), датируемой приблизительно 1836–1840 гг.⁴⁶ Фигурирует она и в собрании любовных песен Йозефа Рапоша 1837 г. под названием «Távozás» («Разлука»)⁴⁷ и в других песенниках.

Свою популярность песня сохраняла вплоть до второй половины XIX в. Так, у одного из величайших венгерских эпиков XIX столе-

45 Один из найденных текстов, записанных в 1820-е гг. См.: *Gálos R. Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai.* 407–408. old.

46 *Perger Gy. Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallok» // Doromb. Közköltészeti tanulmányok 6. / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2018. 236–237. old.*

47 *Csörsz R. I. A kesergő nimfától a fonóházi dalokig. Közköltészeti hatások a magyar irodalomban (1700–1800). Budapest, 2016. 95. old.*

тия Мора Йокаи (Mór Jókai) песня, начинающаяся со слов «*Gyöngyöm Minkám el kell válnom*» («Минка, жемчуг мой, я должен [тебя] покинуть») упоминается даже дважды, в романе «Венгерский набоб» («*Egy magyar nábob*», 1853–1854) и в новелле «Не тронь меня!» («*Ne nyúlj hozzám!*», 1863), причем, как замечает в этой связи историк венгерской литературы Габор Вадерна, «в обоих случаях в качестве текста столь популярного и общеизвестного, что он принадлежит, скорее, к регистру низкого стиля»⁴⁸. А еще и немецкий, и венгерский переводы песни приводит в своем в рассказе «*Gömög rózsái*» («Розы Гёмёра») Шандор (она же Шаролта) Вай (Sándor/Sarolta Vay, 1859–1918)⁴⁹.

«Русская песня» Теодора Кёрнера и «Казацкая песня» графа Ференца Телеки

Граф Ференц Телеки (1785–1831), математик и поэт, воспитывался в немецкой языковой среде и к венгерской культуре и поэзии обратился лишь во второй половине 10-х гг. XIX в. Большая часть стихов Телеки была опубликована уже после его смерти под редакцией Габора Дёбрентеи. Г. Вадерна обнаружил в архивах Телеки еще один вариант нашей песни. Вадерна искал источники стихотворения графа под названием «*Csata-dal*» («Боевая песня», или, еще точнее, «Песня сраженья») 1817 г. и пришел к выводу, что это стихотворение Телеки напрямую связано с другим его же стихотворением «*Egy Kozák dal /: Muszka nyelvből:/*» («Казацкая песня. С москальского»): «Боевая» звучит на мотив «Казацкой песни»⁵⁰. Вадерна цитирует источник, указанный самим Телеки: это песня, начинающаяся со слов «*Durch den Don schwimmt...*». Продолжая разматывать клубок, Вадерна обнаружил, что это первая строка стихотворения Теодора Кёрнера под названием «*Russisches Lied. Nach einer bekannten Melodie*» («Русская песня. На известную мелодию»), вышедшего в сборнике еще в 1814 г. В качестве источника текста Кёрнера автор исследования называет украинскую песню, подчеркивая — об этом я уже упоминала в связи с переводом Кюхельбекера, — что у этой песни, по крайней мере с 1808 г., существовал немецкий перевод, выполненный Тидге. Думаю, здесь непременно следует отметить, что поэт Теодор Кёрнер (Theodor Körner, 1791–1813), вероятнее всего, слышал песню от своих русских

48 *Vaderna G.* A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet // *Doromb: Közköltészeti tanulmányok* 3. / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2014. 40. old.

49 *Perger Gy.* Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallók». 237. old.

50 *Vaderna G.* A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet. 39. old.

и украинских товарищей по оружию, солдат и казаков, будучи непосредственным участником Наполеоновских войн. Он сражался в партизанском отряде Лютцова (Lützow), одном из отрядов под командованием барона Фридриха Карла фон Теттенборна (Friedrich Karl von Tettenborn), действовавших совместно с казаками. Русская пресса тех лет придавала фигуре Кёрнера огромное значение; так, журнал «Вестник Европы» в 4-м номере за 1818 г. опубликовал большую статью о жизни и геройской гибели поэта, о стихах и переводах, популяризовавших русскую литературу, а на последней странице напечатал перевод Кёрнера песни «Ехал козак за Дунай», начинающийся словами «Durch den Don schwimmt...»⁵¹. Так что песня «возвратилась» в Россию и в этом немецком переводе.

Говоря об успехе песни в Западной Европе и ее различных музыкальных переложениях, Г. Вадерна делает существенное замечание: с течением времени переводы Тидге и Кёрнера разминулись, распространяясь по разным каналам и приживаясь в разных средах. Вадерна предполагает, что дальнейшее их квазифольклорное и характерное скорее для литературы распространение протекали одновременно и независимо друг от друга. До графа Телеки дошел перевод Кёрнера. Как полагает исследователь, «Казацкая песня: с Москальского» Телеки «несомненно, явилась на свет как часть инсurreкционной поэзии начала XIX в. В этой сфере одна из традиций элитарной и, как части ее, сословной поэзии и поэзии народной сближаются. В данном случае фольклоризируется аристократическое инсurreкционное стихотворение, происходящее из источника, который, вне всякого сомнения, является частью элитарной культуры»⁵².

В этой связи важно отметить, что ситуация, когда правят и актуализируют текст, приводя его в риторическое и тематическое соответствие с патриотическим духом поэзии, порожденной Наполеоновскими войнами, вовсе не уникальна в истории нашей песни. Известно, что сохранился и подобный русскоязычный вариант, где анонимный автор или авторы, переиначивая песню на потребу времени, даже дополнили ее новыми строками⁵³.

51 Статья является сокращенным переводом на русский язык биографии Кёрнера, написанной Тидге (переводчик — Сокольский): Биографические известия о Кернере // Вестник Европы. ХСVII. 1818. № 4. С. 258–273.

52 Vадерна G. A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet. 40–42. old.

53 «На протяжении всего времени песня имела более-менее устойчивый текст, состоявший всего из 16 строк. В 1818 г. неизвестный автор

Три перевода: Кёрнер, Кюхельбекер и Телеки

А теперь сравним немецкие варианты Кёрнера, Кюхельбекера и венгерский вариант графа Телеки в русском подстрочном переводе (см. венгерский оригинал в приложении).

Теодор Кёрнер 1814	Ференц Телеки до 1820 (?) ⁵⁴	Вильгельм Кюхельбекер 1814
Russisches Lied. Nach einer bekannten Melodie.	«Казацкая песня: с Москальского»	—
Er.		D. K.
Durch den Don schwimmt kampffentschlossen Der Kosack mit den Ge- nossen, Sagt zuletzt noch seinen Rossen, Seiner Braut Ade.	Плывет казак к берегу Дона, Valé говорит прекрасной Невесте, „Давай!, кличет лошадку свою, „Мы идем на битву.	Auf und fort der Donau zu! Lebe wohl, feins Liebchen du! Tummlle, tummlle dich mein Rappe, Strecke dich mein Ross!
Sie.		D. M.
Willst du treulos von mir scheiden, In die Schlacht des Todes reiten? Warum glaubt ich deinen eiden! Weh mir armen, weh!	„Постой, мое сокровище, на мольбу мою „оглянься назад на пе- чаль мою „что покидаешь меня так на гибель мою „одну тут.	Wart, Kosak, o warte noch! Denk einmal, bedenk dich noch: Du verlässt dein trautes Liebchen! S'Liebchen weint so sehr.

делает попытку обновить песню, придать ей патриотический настрой — в духе песен, сложенных в годы Наполеоновских войн. К основному тексту неизвестный стихотворец дописывает свои двадцать четыре строки, с которыми она и была напечатана в сборнике “Новейший полный и всеобщий песенник в 4-х частях” (СПб., 1818). Весь этот неуклюжий доверсок пропитан монархическими мотивами». См.: *Нудьга Г.* Про Семена Климовського і його пісню. С. 59 (перевод с украинского мой. — *Ж. К.*)

⁵⁴ Со слов Г. Вадерны нам известно, что в переписке Телеки с Дёбрентеи «Казацкая песня» впервые упоминается в 1820–1821 гг.: *Teleki F. Gróf Teleki Ferencz' Versei, s nehány leveléből töredékek / ed. G. Döbrentei.* Buda, 1834. 222–228. old.

Er.		D. K.
Ringe nicht die zarten Hände, Mich die augen von mir wende, Kehr ich siegreich doch am ende Aus des Kampfes Glück.	„Не губи зазря больших глаз своих, „Не сцепляй рученок, „Со славой милого своего „получишь назад.	Wein doch Mädchen nicht so sehr, Ring die Händ umsonst nicht mehr! Harre mein: ich kehre wieder, Bring viel Ruhm und Ehr.
Sie.		D. M.
Denkst du wohl noch an mich arme In der wilden Krieger Shwarme? Kehre treu in meine arme, Kehre bald zurück ⁵⁵ .	„Не нужно мне славы, „Если ты мой, и верный, довольно. „Прекрасная удача, до- брое здоровье „Пусть будут с тобой оба” ⁵⁶ .	Nichts ist Her und Ruhm für mich, Ach, ich wünsch und will nur dich! Sei nur du gesund, mein Trauter, Und nichts kümmer mich!

Особенно интересно, что венгерский вариант Телеки в чем-то ближе к переводу Кюхельбекера 1814 г., а в чем-то к опубликованному в том же году переводу Кёрнера. Бесспорно, первая строфа у Телеки вторит лексике Кёрнера — венгерский поэт так же называет Дон, а не Дунай, употребляет (пусть латентно) глагол *плыть*, а не *скакать*, то есть родство обоих текстов предполагает прямое заимствование⁵⁷. Но если сравнить вариант Телеки с немецким переводом не только Кёрнера, но и Кюхельбекера, то обнаружатся и интересные расхождения. Так, несмотря на то, что оба переводчика используют настоящее время глагола вместо прошедшего в оригинале и оба перед каждой строфой называют говорящего, у Кёрнера — благодаря глаголам и предложениям в вопросительном и изъявительном наклонениях — стихотворение звучит более замедленно, ближе к нарративу, чем у Кюхельбекера и Телеки. Динамичный, изобилующий повелительными предложениями, призывный перевод Кюхельбекера сильно перекликается с венгерским текстом Телеки с его обращениями «давай! /

55 Стихи Кёрнера и Телеки цитируются по изданию: *Vaderna G. A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet // Doromb: Közköltészeti tanulmányok 3. / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2014. 39–40. old.*

56 Подстрочный перевод с венгерского Майи Цесарской.

57 Подмена в немецких переводах «Дуная» «Доном» многим бросилась в глаза еще в XIX в.

остановись! / не губи! / не сцепляй!»). Однако «Казацкую песню» Телеки и перевод Кюхельбекера сближает не только их боевой, маршевый дух. Так, в третьей строфе Телеки осуществляет точно ту же перемену мест, то есть мотивов (*глаза — руки*), что и Кюхельбекер, к тому же последние строки во второй и четвертой строфах немецкого и венгерского текстов совпадают, пускай и не буквально.

К сказанному нам нечего добавить. Ведь литературоведение ничего не знает о том, кому сам Кюхельбекер показывал свой перевод, в чьих руках он побывал после его смерти. Однако точно известно: в 1820 г. — когда прошло уже шесть лет с тех пор, как он перевел украинскую песню — Кюхельбекер в качестве секретаря князя Александра Нарышкина совершил путешествие по Европе, в ходе которого познакомился со многими немецкими поэтами — Гёте, Тиком, а также с Тидге⁵⁸. Подтверждено, например, что именно Кюхельбекер передал Тидге несколько лицейских стихов Пушкина. В 1821 г. без ведома автора в одном из немецких журналов было опубликовано пушкинское стихотворение «Роза»⁵⁹.

Что же касается «Казацкой песни» Телеки, то тут я лишь вправе предположить, что граф мог быть знаком не только с переводом Кёрнера, расхвалившимся по литературным каналам, но и с другими источниками.

* * *

Подведу предварительные итоги. На основании компаративного анализа очевидно, что первые переводы квазифольклорной вариации украинской песни «Їхав козак за Дунай» на чешский и венгерский язык появились в 1810-е гг. при посредничестве немецкого языка. Также можно констатировать, что в устном распространении этой вариации произведения на обеих языковых территориях огромную роль сыграли солдаты Наполеоновских войн. Многочисленные венгерские варианты песни, обнаруженные в рукописных и опубликованных сборниках, брошюрах и листовках, свидетельствуют, что на территории Венгерского королевства вариации «Їхав козак за Дунай» были популярными среди простонародья. При этом исследователям еще предстоит детально реконструировать маршруты их распространения.

58 О популяризации Кюхельбекером русской литературы на немецких территориях см., например: *Ершофф Г.* Прижизненная известность Пушкина в Германии // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1987. Т. 21. С. 68–78.

59 *Пушкин А. С.* Лицейские стихотворения, 1813–1817 / ред. В. Э. Вачуро // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 20-ти томах. СПб., 1999. Т. 1. С. 768.

Авторские переводы песни на чешский и венгерский языки появились в начале 1820-х гг. Источниками для единственного известного на сегодняшний день венгерского профессионального перевода, возможно, послужили не один а, как я это попыталась показать, несколько уже имевшихся немецкоязычных переводов. Чешские литераторы пользовались другими источниками. На волне интереса к славянскому фольклору они активно знакомились с русскими песенниками, а также текстами, пришедшими с украинских и польских территорий. Таким образом, одна и та же украинская песня в чешской среде была связана с обращением чехов к их славянским корням, а в венгерском обществе она была адаптирована как инсургентное, повстанческое, стихотворение в духе эпохи Наполеоновских войн.

Следует отметить, что Наполеоновские войны особенно благоприятствовали межкультурному взаимодействию. И анализ конкретного случая — распространения и адаптации песни «Їхав козак за Дунай» — позволяет говорить о Центральной Европе в начале XIX в. уже как о едином имажинарном культурном пространстве.

Приложение I

Казак и Суженая
(начало 1820-х гг.)

Казак

Ах, прекрасная Минка! мне пора,
Ох! Не чуешь ты великой муки моей!
Далече на смурную землю ехать,
Далече от тебя!
Сумрачно солнцу моему всходить,
Слезам моим ночью и днём течь,
Устам моим в голос с горами состязаться,
Минка, за тебя.

Никогда тебя не забуду,
Рукам моим, губам моим молить о тебе,
Тебя от меня привечать,
И сердцу от того болеть!
Много лун сменится, чую,
Покуда увижу тебя, об одном прошу —

Наконец, исполни это, Милая,
Будь, ах, верна мне.

Суженая.

Если мой Олис удалится,
Лицо мое в цвете изменится,
С сердцем моим радость прощается
И места во мне не сыщется.
Дню и ночи жалобиться
Буду, страданье длить,
Каждый ветерок окликать:
Олис где дышит?

Умолкнут песни мои,
Глубоко опечалятся глаза мои;
Но как обнимут тебя руки мои,
Всё по-другому будет.
Увянь роза лица твоего,
Опади цвет лет твоих;
Геройски полученной раны струя
Тебя краше делает⁶⁰.

Приложение II

Teleki Ferenc

Egy Kozák dal/:Muszka nyelvből:
1820 (?)

Usz a kozák Don partjának,
Valét mond szép Mátkájának,
„Rajta! szollal kis lovának,
Harczban megyünk mü.

„Meg állj kincsem kérésemre
„tekints vissza keservemre
„hogy hagysz engem így vesztremre
„Csak egyedül itt.

60 Подстрочный перевод с венгерского Майи Цесарской.

„Ne rontsd ingyen nagy szemedet,
 „Ne kocsoljad kis kezedet,
 „Dicsőségel kedvesedet
 „Vissza nyered majd.

„Nem kell nékem a dicsőség,
 „Ha te enyim, s hiv vagy, elég.
 „Szép szerentse, jo egészség
 „Véled légyen mind”.

Источники и литература

Биографические известия о Кернере // Вестник Европы. ХСVII, 1818. № 4. С. 258–273.

Гозенпуд А. А. «Казак-стихотворец» // Оперный словарь. М.; Л.: Музыка, 1965. 480 с.

Грот К. Я. Пушкинский лицей. СПб.: Академический проект, 1998. 512 с.

Ершофф Г. Прижизненная известность Пушкина в Германии // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1987. Т. 21. С. 68–78.

Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века // Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение / ред. Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, В. Т. Адамс. Tartu, 1966 (Ученые записки Тартуского Университета, 184). С. 142–203.

Кириллина Л. «Schöne Minka» и ее сестры // Бортнянский и его время. К 250-летию со дня рождения Д. С. Бортнянского: Материалы международной конференции / Научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М.: МГК, 2003. Т. 43. С. 191–205.

Кириллина Л. «Schöne Minka»: Судьба украинской песни в творчестве Бетховена // Проблемы взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти: зб. наук. ст. Бетховен — terra incognita / ред. Г. І. Ганзбург. Харків: Видавництво ТОВ С. А. М., 2015. С. 5–23.

Нудьга Г. Про Семена Климовського і його пісню // Радянське літературознавство. 1960. № 4. С. 53–66.

Нудьга Г. Українська дума і пісня в світі. Львів: Інститут народознавства НАН України, 1997. 419 с.

Прийма Ф. Об одном немецком переводе украинской народной песни «Їхав козак за Дунай» // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1960. № 3. С. 170–174.

Пушкин А. С. Лицейские стихотворения, 1813–1817 / ред. В. Э. Вацуро // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 20-ти томах. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. 839 с.

Русские казаки в Париже двести лет назад // LiveJournal (блог). 31 марта 2014. URL: <https://vita-colorata.livejournal.com/652951.html> (дата обращения: 15.08.2020).

Собрание русских народных песен с их голосами / на муз. положил И. Прач; под ред. и с вступ. статьей В. М. Беляева. М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. 350 с.

Сперанский М. Н. Малорусская песня в старинных русских печатных песенниках // Этнографическое обозрение. 1909. № 2–3. С. 120–144.

Файбисович В. Русские песенники в прусской гвардии // Родина (blog). 01 июня 2017. URL: <https://rg.ru/2017/05/30/rodina-ermitag.html> (дата обращения: 12.01.2020).

Францев В. А. Очерки по истории чешского Возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1902. 473 с.

Францев В. А. Русские в Чехии. 1813–1823. Прага: Изд. Э. П. Гейстлиха, тип. Политика, 1913. 63 с.

Чехович К. Йосиф Добровський і українська мова // Slavia — časopis pro slovanskou filologii. 1930–1931. № 9. С. 697–725.

Anvelt I. Benjamin Beresford — The First English Lecturer at the University of Tartu // Estonian Association of Teachers of English. 2018. № 53. P. 9–13.

Berkes T. The Ideal of Folk Culture in the Literature of the Czech National Rebirth // History of the Literary Cultures of East-Central Europe III. New York, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 298–309.

Böhme F. M. Volksthümliche Lieder der Deutschen im 18. und 19. Jahrhundert. Nach Wort und Weise aus alten Drucken und Handschriften, sowie aus Volksmund zusammengebracht, mit kritisch-historischen Anmerkungen versehen und herausgegeben von Franz Magnus Böhme. Leipzig, 1895. xxi, [1], 628 s.

Čelakovský Fr. L. Slovanské národní písně. Kritické vydání / ed. K. Dvořák. Praha: Kuncíř, 1946. 729 s.

Čelakovský Fr. L. Slowanské národnj písně sebrané Frant. Ladisl. Čelakovským. W Praze: Josefa Fetterlowá z Wildenbrunu. W Praze, 1822. 232 s.

Clive P. Beethoven and His World: A Biographical Dictionary. Oxford, 2001. 490 p.

Csörsz R. I. A kesergő nimfától a fonóházi dalokig. Közköltészeti hatások a magyar irodalomban (1700–1800). Budapest: Reciti, 2016. 446. old.

Francev V. A. Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského // Národopisný Věstník Československý. 1923. № 16. S. 33–64.

Gálos R. Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai // Irodalomtörténeti Közlemények. 1937. Vol. 4. 407–408. old.

Hanka V. Kozákovo loučení // Prwotiny pěkných uměňj (Cýsařské královské wjdeňské nowiny). 1813. № 23. S. 136.

Hanka V. Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převedená / ed. J. Máchal. Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, Slovesnost a umění. Praha, 1918. 264 s.

Hexelschneider E. Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Vol. 8. S. 676–688.

Kalavszky Zs. Puskin líceumi lírájának közköltészeti vonatkozásai egy ukrán dal tükrében // Doromb. Közköltészeti tanulmányok 7. / ed. R. I. Csörsz. Budapest: Reciti, 2019. 389–424. old.

Perger Gy. Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallok» // Doromb. Közköltészeti tanulmányok 6. / ed. Csörsz R. I., Budapest: Reciti, 2018. 229–254. old.

Porkoláb T. Szempontok a francia háborúk inszurrekciós költészetének textológiai és filológiai vizsgálatához // Textológia — filológia — értelmezés / eds. M. Czifra, M. Szilágyi. Csokonai Könyvtár: Bibliotheca Studiorum Litterarium 55. Debrecen, 2014. 191–214. old.

Teleki F. Gróf Teleki Ferencz' Versei, 's nehány leveléből töredékek / ed. Döbrentei G. Buda, 1834. 246. old.

Über russische Soldatenlieder // Allgemeine musikalische Zeitung, 1814. № 31, August 3. S. 515–518.

Vaderna G. A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet // Doromb: Közköltészeti tanulmányok 3. / ed. R. I. Csörsz. Budapest: Reciti, 2014. 3–50. old.

Waldapfel J. A Ziska második részéhez // Irodalomtörténeti Közlemények. 1935. Vol. 3. 307–308. old.

Waldbrühl W., von. Slawische Balalaika. Leipzig, 1843. 524 s.

References

Anvelt, I. “Benjamin Beresford — The First English Lecturer at the University of Tartu.” *Estonian Association of Teachers of English*, no. 53, 2018, pp. 9–13.

Berkes, T. “The Ideal of Folk Culture in the Literature of the Czech National Rebirth.” *History of the Literary Cultures of East-Central Europe* – 3, New York, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007, pp. 298–309.

Čelakovský, Fr. L. *Slovanské národní písně. Kritické vydán*, ed. by K. Dvořák. Prague: Kuncič, 1946, 729 p.

Chekhovych, K. “Іосyf Dobrovs'kyi i ukraїns'ka mova.” *Slavia – časopis pro slovanskou filologii*, no. 9, 1930–1931, pp. 697–725.

Clive, P. *Beethoven and His World: A Biographical Dictionary*. Oxford, 2001, 490 p.

Csörsz, R. I. *A kesergő nimfától a fonóházi dalokig. Közköltészeti hatások a magyar irodalomban (1700–1800)*. Budapest: Reciti, 2016, 446 p.

Ershoff, G. “Prizhiznennaia izvestnost' Pushkina v Germanii.” *Vremennik Pushkinskoj komissii*, vol. 21, Leningrad: Nauka, 1987, pp. 68–78.

Faibisovich, V. “Russkie pesenniki v prusskoj gvardii.” *Rodina*, 01 June 2017, <https://rg.ru/2017/05/30/rodina-ermitag.html>. Accessed 12 Jan. 2020.

Francev, V. A. “Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského.” *Národopisný Věstník Československý*, no. 16, 1923, pp. 33–64.

Frantsev, V. A. *Očerki po istorii cheshskogo Vozrozhdeniia: Russko-cheshskie uchenye sviazi kontsa XVIII i pervoi poloviny XIX st.* Warsaw: Tip. Varshavskogo ucheb. okruga, 1902, 473 p.

Frantsev, V. A. *Russkie v Chekhii. 1813–1823*. Prague: Izd. Ě. P. Gejštikha, tip. Politika, 1913, 63 p.

Gálos, R. “Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai.” *Irodalomtörténeti Közlemények*, vol. 4, 1937, pp. 407–408.

Gozenpud, A. A. “Kazak-stikhotvoret.” *Opernyi slovar'*. Moscow, Leningrad: Muzyka, 1965, 480 p.

Grot, K. Ia. *Pushkinskii litsei*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1998, 512 p.

Hanka, V. *Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převedená*, ed. by J. Máchal. Prague: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, Slovesnost a umění, 1918, 264 p.

Hexelschneider, E. “Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland.” *Zeitschrift für Slawistik*, vol. 8, 1963, pp. 676–688.

Isakov, S. G. “Materialy po rusškoj literature i kul'ture na ctranitsakh nemetskoj pribaltiškoj pechati nachala XIX veka.” *Trudy po rusškoj i slavianskoj filologii. Vol. 9. Literaturovedenie*, ed. by B. F. Egorov, Iu. M. Lotman, V. T. Adams, Tartu: s. n., 1966, pp. 142–203.

Kalavszky, Zs. “Puskin líceumi lírájának közköltészeti vonatkozásai egy ukrán dal tükrében.” *Doromb. Közköltészeti tanulmányok 7*, ed. by R. I. Csörsz, Budapest: Reciti, 2019, pp. 389–424.

Kirillina, L. “«Schöne Minka» i ee sestry.” *Bortnianskii i ego vremia. K 250-letiiu so dnia rozhdeniia D. S. Bortnianskogo: Materialy mezhdunarodnoj kon-*

ferentsii, Nauchnye trudy Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. P. I. Chaikovskogo, vol. 43, Moscow: MGK, 2003, pp. 191–205.

Kirillina, L. “«Schöne Minka»: Sud’ba ukrainskoj pesni v tvorcestve Betkhovena.” *Problemy vzaimodii mystetstva, pedahohiky ta teorii i praktyky osvity. Beethoven – terra incognita*, ed. by H. I. Hanzburh, Kharkiv: Vydavnytstvo TOV S. A. M., 2015, pp. 5–23.

Nud’ha, H. “Pro Semena Klymovs’koho i ioho pisniu.” *Radnians’ke Literaturoznavstvo*, no. 4, 1960, pp. 53–66.

Nud’ha, H. *Ukrains’ka дума i pisnia v sviti. Naukove vydannia Instytut narodoznavstva NAN Ukraïny*. Lviv: The Ethnology Institute of NAS of Ukraine, 1997, 419 p.

Perger, Gy. “Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallok».” *Doromb. Köz-költészeti tanulmányok 6*, ed. by R. I. Csörsz, Budapest: Reciti, 2018, pp. 229–254.

Porkoláb, T. “Szempontok a francia háborúk inszurrekciós költészetének textológiai és filológiai vizsgálatához.” *Textológia – filológia – értelmezés*, ed. by M. Czifra, M. Szilágyi, Debrecen, 2014, pp. 191–214.

Priima, F. “Ob odnom nemetskom perevode ukrainskoj narodnoj pesni «Īkhav kozak za Dunaĭ».” *Russkaia literatura. Istoriko-literaturnyĭ zhurnal*, no. 3, 1960, pp. 170–174.

“Russkie kazaki v Parizhe dvesti let nazad.” *LiveJournal*, 31 March 2014, <https://vita-colorata.livejournal.com/652951.html>. Accessed 15 Aug. 2020.

Sobranie russkikh narodnykh pesen s ikh golosami, ed. by V. M. Beliaev. Moscow: State Music Publ., 1955, 350 p.

Speranskiĭ, M. N. “Malorusskaia pesnia v starinnykh russkikh pechatnykh pensnikakh.” *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 2–3, 1909, pp. 120–144.

Vaderna, G. “A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet.” *Doromb: Köz-költészeti tanulmányok 3*, ed. by R. I. Csörsz, Budapest: Reciti, 2014, pp. 3–50.

Waldapfel, J. “A Ziska második részéhez.” *Irodalomtörténeti Közlemények*, vol. 3, 1935, pp. 307–308.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.06

Kalavszky Zs.

Transformations of a Ukrainian song in Hungarian territories during the first half of the 19th century

Kalavszky Zsófia

PhD, research fellow

Institute for Literary Studies, Research Centre for the Humanities (MTA Centre of Excellence)

1118 Ménesi út. 11-13, Budapest, Hungary

E-mail: kalavszky.zsofia@btk.mta.hu

ORCID: 0000-0003-1276-3243

Citation

Kalavszky Zs. Transformations of a Ukrainian song in Hungarian territories during the first half of the 19th century // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 420–451 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.06

Received: 01.12.2020.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project № 18-512-23002.

Abstract

In my study I examine through what channels the Ukrainian song “*Īhav kozak za Dunaj*” reached Czech and Hungarian territories through German mediation at the beginning of the 19th century. In the German-speaking territories, the Ukrainian song was spreading in German almost like a folk song. “*Schöne Minka*”, a Christophor Tiedge’s adaptation of the Ukrainian song, which differs significantly from the original, probably reached the territory of the Czech Crown and later the Kingdom of Hungary in the 1810s with the soldiers participating in the Napoleonic wars. A decade later, another version of the Ukrainian song much closer to the original appeared in the Czech and Hungarian territories. In Czech this version was published by František Čelakovský in 1822, and we owe the creation of the Hungarian version to Count Ferenc Teleki. Teleki did not work with Russian or Ukrainian sources, he translated the Ukrainian song into Hungarian with the help of a German translation. This text mediating between Ukrainian and Hungarian is Theodor Körner’s translation “*Russisches Lied*”. At the same time, Teleki’s translation is especially exciting for Russian and Hungarian literature since it shows surprising correspondences with Wilhelm Küchelbecker’s text “*Der Kosak und das Mädchen*” (1814), which is also a translation of the Ukrainian song.

Keywords

Comparative literature, translation, Napoleon wars, Īhav kozak za Dunaj, Schöne Minka, songbooks, insurrection poetry, Christoph Tiedge, Václav Hanka, František Čelakovský, Ferenc Teleki, Wilhelm Küchelbecker.